

НАСЕЛЕНИЕ ВОТЧИН ТОБОЛЬСКОГО АРХИЕРЕЙСКОГО ДОМА ПО ПЕРЕПИСНЫМ КНИГАМ XVII в.

С.Н. Щербич

Работа посвящена изучению состава крестьянского населения вотчин Тобольского архиерейского дома на анализе переписных книг XVII в. Рассматриваются вопросы миграции населения с Русского Севера в Зауралье в рамках государственной колонизационной политики, прослеживается динамика роста и спада численности крестьянского населения, выявляются причины данного явления. Высказывается мнение о возможном этническом составе крестьян вотчин Тобольского архиерейского дома в XVII в.

Переписные книги, внешняя и внутренняя миграция населения вотчин, динамика заселения, категории монастырских крестьян.

Монастырские крестьяне сыграли заметную роль в пространственном освоении территории Зауралья в XVII в. Важным источником для реконструкции этого процесса являются материалы переписных, дозорных книг. Данные источники позволяют выявить, из населения каких регионов формировался состав монастырских крестьян, раскрыть различные аспекты функционирования монастырского хозяйства, в том числе содержат богатейший материал по составу крестьянских семей, формам трудовых отношений с монастырем, а также дают возможность проследить уровень мобильности крестьян.

В XVII в. население городов и монастырских вотчин формировалось из выходцев с территории северной и северо-восточной Руси. Среди причин крестьянской мобильности можно отметить, во-первых, удобство транспортных путей. Во-вторых, крестьяне пытались получить определенную свободу от государственных повинностей, возможности быть «прикрепленным к земле» [Азиатская Россия, 1914, с. 445]. Одной из таких причин являлись и стихийные природные бедствия, следствием которых был голод. Именно в этот период фиксируются наиболее массовые миграции крестьянского населения на Урал и далее в Сибирь. Волны голода на севере Европейской России зафиксированы в 1600–1603 гг., в начале 30-х и 40-х гг. и в 1696–1698 гг. Получается, что освоение сибирского региона шло за счет привлечения на эти земли в большей степени пришлого населения, которое формировалось частично из государственных крестьян, бобылей, гулящих людей, в меньшей степени из посадских, промышленных, беглых. Путей привлечения крестьянства в Зауралье, по мнению Д.Я. Резуна и М.В. Шиловского, могло быть два, за исключением беглых крестьян, учет которых произвести достаточно сложно прежде всего из-за неполноты источников. Одним из вариантов переселения можно считать перевод части крестьян Европейской России в Сибирь «по указу», а второй способ — «по прибору», за счет вербовки добровольцев, желающих переселиться на новые места [Резун, Шиловский, 2005, с. 78]. Первым актом, зафиксировавшим набор переселенцев, является царская грамота Федора Ивановича 1598 г.: «...а велено по той нашей грамоте, из Соли на житье, тридцать человек пашенных людей, с женами и с детьми и со всеми их животы, а у всякого бы человека было бы по три мерины добрых, да по три коровы, да по две козы, да по три свиньи, да по пяти овец, да по двое гусей, да по пятиру куров, да по двое утят, да год хлеба, да соха со всеми для пашни, да телега, да сани и всякая житейская рухляль, а на подмогу им велено дати по дватцати по пяти рублей человеку». Судя по этой грамоте, царь сделал ставку при переселении на крестьян, обладающих весомым достатком и весьма трудоспособных. Это было закономерно: новые территории должны были приносить постоянный доход в государственную казну, а решить это можно было только мобилизацией успешных хозяйственников из крестьянской среды. Поэтому совершенно правы Д.Я. Резун и М.В. Шиловский в своем определении крестьянского переселенческого движения как мобилизационного, а не миграционного. Определение «миграция» скорее применимо ко второй волне переселенцев начала XVII в., когда власти стали призывать в Сибирь «охочих» крестьян и гулящих людей, зачастую не имеющих оседлости [Балюк, 2003, с. 55.]. В частности, в переписных книгах софийских вотчин 1662 г. часто можно встретить следующие упоминания: «Хрисанфеико Андреев Рудак сказался села Ивановского мельник, а пришел де он в Сибирь в Тоболеск с Пинеги из государевы волости Хавелы с погосту, а в государеве де он

волости ходил по миру и кормился христовым именем, а от отца своего остался мал и в Софийской дом пришел он при Нектаре архиепископе...» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 434. Л. 4–4 об.]. Источником пополнения численности крестьянского населения стали «ссылльные», процент которых был незначителен, но документы их фиксируют: «Пронка Якимов сын кузнец сказал родился де он и жил Звенигородского уезду в Савинском монастыре в бобыльском тягле в Сибирь сослан в ссылку во 189 году и живет за Софийским домом в бобылях на купленном месте в софийскую казну платит денежный оброк»; «Ивашко Григорьев сын Корец сказал родился де он в Суздальском уезде жил за боярином за Иваном Михайловичем во крестьянех в Сибирь сослан в ссылку во 186 м году живет за Софийским домом в бобылях платит в софийскую казну годовой денежной оброк живет на подворье» [Там же. Кн. 1086. Л. 5, 6 об.].

Помимо этого в переписных книгах встречаются любопытные упоминания о иных возможностях закрепления за монастырем не только государственных крестьян, гулящих людей из среды русского населения, но и представителей иных национальностей. По переписной книге 1662 г., на Софийском дворе в с. Ивановском значились в работных людях калмык Фочка с сыновьями, татары Ивашко Микитин, Спирка Прокопьев, привезенные в Тобольск «из степи, с калмыцкого бою» и отданные архиепископу Макарию головой Федором Елагиным и тобольским сыном боярским Богданом Аршинским [Там же. Кн. 434. Л. 3 об.–4.]. По всей видимости, эти Фочка с сыновьями, Ивашко Микитин и Спирка Прокопьев были пленными, взятыми в результате подавления восстания тарских татар, начавшегося 12 апреля 1629 г. в г. Таре, предвестником которого явилось восстание татарского князя Когутайки в Барабинской степи 1628 г., поддержанное калмыками и царевичами Кучума. На спасение г. Тары из Тобольска были отправлены тобольские головы Федор Елагин и Богдан Аршинский со служилыми людьми и татарами. Как свидетельствует отписка тобольского воеводы князя А. Трубецкого туринскому воеводе А. Зубову, в результате удачного боя на озере Чан в Барабинской степи «многих побили и в языцах живых и в полон многих поймали, и русской полон, что было они поймали в Тарском уезде в деревнях, отбили и лошади и коровы отогнали...» [Миллер, 2000, с. 418].

Скудость собственной рабочей силы заставляла руководство Тобольской епархии искать новые источники ее пополнения, что позволяло при нестабильности переселенческого движения обеспечивать постоянный приток людей в софийские вотчины. Методы достижения этого были не новы, они широко практиковались в Европейской России и были привнесены первыми архиереями и митрополитами, являвшимися выходцами из Великого Новгорода и Ростова. Тобольский архиерейский дом и другие монастыри практиковали выдачу ссуд крестьянам на развитие хозяйства в денежном или товарном эквиваленте. Естественно, предоставление помощи носило небезвозмездный характер. Крестьяне брали на себя определенные обязательства. Как отмечал Л.П. Шорохов, трудовые отношения между монастырем и крестьянами могли быть определены разными способами. Во-первых, крестьяне по договору «порядной записи» обязывались нести тягло в пользу монастыря. Монастырь в свою очередь мог предоставлять им определенные льготы на развитие собственного хозяйства и т.д. Во-вторых, крестьяне могли записываться в «вечное житье», т.е. становиться по сути крепостными. В-третьих, они могли заключать с монастырем срочный договор, по которому обязывались выполнять конкретный вид работ в течение определенного срока, получая денежное жалованье [Шорохов, 1966, с. 79]. Переписные книги софийских вотчин позволяют определить, что основной формой трудовых отношений крестьян с монастырем являлся денежный и натуральный оброк. Денежным оброком в большей степени облагались бобыли и гулящие люди, пашенные же крестьяне вносили феодальную ренту в натуральной форме «пятину», т.е. 20 % от собранного урожая: «...а те софийские крестьяне во Усть-Ницынской слободе пашут пашни на софийской данной земле невеликие на себя, а в софийскую казну с тех пашен дают пятый сноп» [Переписные книги 1636 г., 1994, с. 129].

Динамику заселения вотчин архиерейского дома также можно проследить по переписным книгам, но, к сожалению, определенного формуляра данный документ в XVII в. не имел. Цели написания данных книг, по всей видимости, преследовались разные: либо фиксация величины земельных угодий, либо освидетельствование крестьянского населения монастырских вотчин. Поэтому информационная составляющая данного источника не может нести элементов унификации. Учитывая это, предпримем попытку сопоставления данных нескольких переписных книг начала и второй половины XVII в. для выявления роста или спада численности народонаселе-

Население вотчин Тобольского архиерейского дома по переписным книгам XVII в.

ния вотчин. В качестве примера проанализируем показатели по двум вотчинам Тобольского архиерейского дома — Усть-Ницинской и Тавдинской слободам.

По данным переписной книги сына боярского Бориса Толбузина 1625 г., в Усть-Ницинской слободе фиксируется несколько форм проживания крестьян: «двор», «место дворовое», «заимка». Крестьянских дворов в самой слободе насчитывалось 15, в одном из них проживал троицкой поп Степан Борисов, в остальных — 22 чел., кроме них перепись фиксирует трех оброчных крестьян и церковного дьячка, которые не имели своих дворов, а проживали в хозяйстве некоторых крестьян слободы [Переписные книги 1625 г., 1994, с. 76–77]. Помимо этого отмечено одно дворовое место — Игнашки Кузьмина сына Вороны. Таким образом, в самой слободе проживало 28 душ мужского пола, хозяйство которых насчитывало 42 лошади, 27 коров, 7 быков, 10 телят, 14 овец и 2 барана [Там же]. Выше Усть-Ницинской слободы по р. Нице на новых землях были поселены крестьяне, которые вновь заводили свое хозяйство. По форме поселения они распределились так: одна заимка, один двор, два дворовых места, в которых проживало 6 чел., помимо них 3 оброчных крестьянина, не имеющих своего двора, и 2 оброчных крестьянина, проживающих в г. Тюмени. Хозяйство их насчитывало 8 лошадей, 3 коровы, 1 быка, 3 телят. Земли, обрабатываемой крестьянами, насчитывалось 182 дес., непаханой земли 13 дес. Переписная книга 1625 г. фиксирует также новый отвод земли по царскому указу от 30 октября 1624 г. архиепископу Киприяну: «...к ево архиепископли вотчине к Усть-Ницинской слободе четыреста десятин земли под пашню к старой его пашне к двусот десятинам в прибавку, на дубровах и на еланях, возле Блук речку» [Там же, с. 80].

Переписная книга от 15 февраля 1636 г. в Усть-Ницинской слободе зафиксировала уже 41 хозяйство пашенных крестьян (67 чел.) и факт побега из архиепископской вотчины 4 крестьян в 1635 г. [Переписные книги 1636 г., 1994, с. 128–129]. Определить размеры вотчинного хозяйства не представляется возможным, но динамика роста крестьянских хозяйств прослеживается четко. Если в 1625 г. насчитывалось 20 крестьянских дворов, то в 1636 г. их уже 41, количественные показатели мужского населения также выросли более чем вдвое. В книге 1651 г. перечислено уже 143 крестьянских двора с населением мужского пола в 305 чел. и кроме того 27 бобылей, всего 332 чел. [Тобольский архиерейский дом..., 1994, с. 32]. Таким образом, за 15 лет прослеживается неуклонный значительный рост числа крестьянских хозяйств, а соответственно и населения.

Тенденция роста населения прослеживается не всегда, к примеру, переписные книги 1662 г. отмечают уже сокращение — до 82 крестьянских дворов с населением в 218 чел., 7 дворов бобылей (11 чел.) и 18 гулящих людей [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 434. Л. 73 об.–79]. Следовательно, за 11 лет количество крестьянских дворов сократилось на 42,6 %, население — на 28,5 %.

Объяснить это явление можно тем, что существовала активная миграция крестьян внутри вотчинного хозяйства Тобольского архиерейского дома: принудительное или добровольное переселение. Поэтому нередко крестьяне попадали под перепись населения в других вотчинах, а не там, где были приписаны. Кроме того, определенную роль в этом процессе играли побеги, в результате которых крестьяне, скрываясь от своих хозяев, причисляли себя к другим социальным группам населения. Естественным фактором являлась смертность. В переписных книгах движение крестьян внутри вотчинного хозяйства Тобольского архиерейского дома фиксируется, но не всегда. Наиболее распространенные варианты: «...на лицо не объявился. А по скаске села Ивановского попа Василья был он Ивашко в селе Ивановском работной человек и после переписных книг 165 го году сошел он Ивашко в Софейскую ж в Покровскую слободу...» [Там же. Л. 12]. «...Отец де иво был в Софийском дому при Киприяне архиепископе в Тавдинской слободе во крестьянех и после де отца иво взял Нектарей архиепископ на Шанталыцкую мельницу, что ныне село Ивановское...» [Там же. Л. 5]; «Да тех же софийских крестьян против переписных книг, что за дьячими руками, на лицо не объявилось: Максимков сын Двинских Киприяно, Тимошко Васильев Двинской, Ларка Климентиев, Девятко Киприянов. А по скаске софийских ницынских крестьян, Матюшки Васильева с товарищы, збежали те кресьтияне во 144-м году после описных книг» [Переписные книги 1636 г., 1994, с. 129]. Эта же переписная книга в отношении бобылей, которые платили в софийскую казну денежный оброк, содержит следующую информацию: «да тех же софийских оброчных бобылей померли и калмацкие люди убили, а иные ставились на Тюмени в служилые люди и в пашенные крестьяне, и в ямские охотники. А иные збежали к Руси и в сибирские разные города» [Там же, с. 128]. Дозорная книга вотчин Тобольского Софийского дома 1684 г. фиксирует факт перевода бобылей из одной вотчины в другую:

«Ивашко Иванов сын Шульгин у него дети: Ивашко 15 лет Филка 8 лет Матюшка 6 лет Пятко 2 лет переведен он из Усть-Ницынской слободы в Тавдинскую слободу со 1677 г. Пашни и сенных покосов нет» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1086. Л. 142 об.].

Точно такая же ситуация прослеживается и по другой вотчине Тобольского архиерейского дома, Тавдинской слободе. В 1625 г. в самом с. Тавда находились 4 двора пашенных крестьян, хозяйство которых насчитывало 5 лошадей, 4 коровы и 2 овцы [Переписные книги 1625 г., 1994, с. 72]. В пяти верстах от села в деревне на речке Бачкима находилась житница Софийского дома и 12 крестьянских дворов и 6 крестьян, не имеющих своих дворов, а проживающих на подворье других крестьян: «Гришка Яковлев Кривой. У него паханные середние земли в поле полдесятины, а в дву потому ж. Сенных покосов на тритцать копен. У него животин лошадь да корова. А двора у него нет, живет на подворье у Пятка Григорьева» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 434. Л. 125 об.]. Хозяйство пашенных крестьян состояло из 24 лошадей, 19 коров, 4 овец, 3 быков. В общей сложности, по переписи, население Тавдинской слободы состояло из 22 чел. Перепись 1636 г. в вотчине фиксирует 24 крестьянина (без перечисления хозяйства), а в 1651 г. — 33 крестьянских двора с 82 жителями, упомянуто также 2 бобыля. В 1662 г. количественный состав крестьянских дворов сократился на 54,5 % и насчитывал 18 крестьянских дворов [Там же. Л. 104–108].

Данные переписных книг 1662 г. любопытны в том отношении, что фиксируют еще первый поток крестьян переселенцев и их потомков, по которому можно очертить географию выхода. Выборка по Усть-Ницынской слободе дает следующую картину. Большую часть населения слободы составляли выходцы из Яренского уезда (Яренского городка, который стоял на р. Вычегде, северном пути на Урал). Сегодня это с. Яренск Архангельской области. В течение многих веков Яренск был центром Яренского уезда Вологодской губернии, занимавшего большую часть нынешней Республики Коми. Можно предположить, что определенный процент представителей народа коми были в составе первых поселенцев Усть-Ницынской слободы. Согласно данным статистики, в период с 1586 по 1711 г. из Коми края переселилось в Сибирь 1907 чел. (71,6 % от числа всех ушедших за пределы края), пики миграционной активности коми приходятся на 1629–1647 гг. (833 чел.) и 1682–1711 гг. (684 чел.) [Жеребцов, 1996, с. 229]. Следующими по численности переселенцев крестьян уездами являются Соль-Вычегодский, Устюжский, Усть-Сысольский, Кевронский, охватывающий территорию бассейна р. Пинеги с притоками, а также Колмогоры (Холмогоры). Небольшой процент крестьян причисляли себя к выходцам с Вятки (Хлыновского, Кайгородского уездов), Камы (Соликамского уезда). Сходная ситуация прослеживается и по другим софийским вотчинам XVII в.

Переписные книги позволяют не только реконструировать этапы складывания монастырского хозяйства, но и высказать предположение об этническом происхождении крестьян вотчин Тобольского архиерейского дома. Из анализируемых переписных книг наиболее полную информацию предоставляет перепись 1662 г., частично сведения присутствуют и в книге 1636 г. В частности, составитель переписи (Микифор Логоинович Веревкин) упоминает при перечислении имен и фамилий крестьян Усть-Ницынской слободы их этническую принадлежность или место их рождения: «Ондрюшко Селиванов, зырян, Васка Ларионов, зырян, Якунко Микитин, сысолетин, с сыном Гришкою» [Переписные книги 1636 г., 1994, с. 129]. Точные данные об этническом происхождении первых переселенцев, возможно, будут получены в ходе антропонимического исследования крестьянского населения софийских вотчин.

Таким образом, переписные книги XVII в. по информационной насыщенности многогранны и при всестороннем изучении позволяют получить новые знания о мобильности монастырских крестьян, которая может быть определена как внешняя (переселение из других регионов страны) и внутренняя (прежде всего миграция в рамках вотчинного хозяйства того или иного монастыря), а также представление о возможном национальном составе населения вотчин Тобольского архиерейского дома в XVII в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Дозорная книга Софийского дома 1684 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1086.*
Переписная книга 1662 года // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 434.
Переписные книги 1625 года // Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994.
Переписные книги 1636 года // Там же.

Население вотчин Тобольского архиерейского дома по переписным книгам XVII в.

Литература

- Азиатская Россия*. СПб., 1914. Т. 1. 588 с.
- Балюк Н.А. Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI — начале XX вв. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2003. 188 с.
- Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI — начале XVIII в. Екатеринбург: УрО РАН, 1996. 260 с.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Вост. лит., 2000. Т. 2. 796 с.
- Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI — начало XX века: Фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: Сова, 2005. 196 с.
- Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994. 291 с.
- Шорохов Л.П. Монастыри и колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв. // Вопр. истории Урала: Материалы 2-й науч. сессии вузов Уральской зоны в г. Перми 20–22 апреля 1965 г. Пермь, 1966. 374 с.

Тюменский государственный университет
sofia-sh@mail.ru

The paper is devoted to studying a composition of peasant population from lands of Tobolsk Bishop House, basing on analysis of census books of XVII century. Subject to description being questions of the population's migration from Russian North to Trans Urals within the scope of state colonization policy, tracing dynamics in increasing and decreasing of the peasant population's number, seeing reasons for this. The author ponders on a possible ethnic composition of the peasants from the lands of Tobolsk Bishop House in XVII c.

Census books, outer and inner migration of the lands' population, dynamics of colonization, groups of monastery peasants.